

производственная практика. Всё зависит от того, как школа выстроит эту работу. Я не беру в расчёт Базисный учебный план — предмет «Технология».

Есть во всём этом ещё один аспект. Возьмём дополнительное образование: школа организовала занятия в компьютерном классе — это производственный труд? Труд, согласитесь, в последние годы существенно изменился. Рисование в Photoshop, PainBrush — производственный или интеллектуальный труд? Мой племянник занимается разработкой компьютерных игр, это чисто интеллектуальный труд, но там много операций, многие навыки работы надо доводить до автоматизма. Этот труд даёт реальный продукт и вполне неплохой заработок. Труд вообще стал более интеллектуальным. Поэтому не надо всем брать лопату. У другого моего племянника в качестве дополнительного образования всегда был спорт. Сейчас он этим деньги зарабатывает. По-

явилось много занятий, за которые в советское время деньги не платили. А ведь всё это — типичная трудовая занятость молодёжи.

Нормальная организация производственного обучения возможна тогда, повторю, когда есть выбор. По закону школы сами разрабатывают образовательные программы, и диктовать им, заставить что-то делать никто не вправе. Хотя и финансовая, и нормативно-правовая база есть, и, конечно, многое от позиции школы зависит: одна истратит средства на кружки физики и математики, а другая на организацию производственного труда, научит ребят делу, даст им профессию. Даже при организации профильных классов трудовых профилей мало. Но если мы будем популяризировать успешный опыт, как в своё время пропагандировался опыт ученических производственных бригад, то другие будут увлекаться и следовать этому опыту.

С мнением Игоря Михайловича Реморенко о том, что труд в современном мире претерпел серьёзные изменения, и особенно труд молодёжи в постиндустриальном обществе, мотивация молодых, способы их устройства на работу, — согласен доцент московского Института психологии им. А.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, кандидат биологических наук

Кирилл Ефремов: Кого мы считаем трудящимися?

Феномен труда интересует меня как антрополога и как преподавателя университетского курса «Психология труда».

Традиционная программа этого курса не вызывает у наших студентов энтузиазма. Такие темы, как «Понятие субъекта труда и его структуры» или «Психология профессионального самоопределения», кажутся им скучными и недостойными внимания. Однако уже из первых лекций они с удивлением узнают, что специалисты именно этого направления — инженерной и организационной психологии решают интересные практические задачи, получая самую высокую зарплату среди психологов.

Как привлечь на предприятие нужных и надёжных людей? Как помочь им найти своё место? Как повысить производительность труда, не прибегая к дорогостоящей реконструкции? Как создать у людей ощущение комфорта и радости, удовлетворения от выполненной работы? Как бороться с профессиональными стрессами, депрессией и эмоциональным выгоранием? Подобные проблемы решают специалисты, работающие в области организационной психологии.

Последние полгода я имел возможность расширить свой кругозор, изучая технологии экологического образования во Флориде. Теперь уже не по книгам, а воочию убедился, какое значение имеет работа психологов труда в современном об-

ществе, особенно в среде молодёжи. И как изменился — вслед за обществом — облик этого труда.

Отношение к детскому труду неодинаково. Начнём издалека. Как известно, труд создал человека. Впрочем, за полтора столетия эта идея несколько устарела. Сейчас антропологи считают, что скорее наоборот: **труд был «изобретён» человеком разумным.** Древние люди занимались изо дня в день одним и тем же делом в силу традиции. Их умения были универсальны и применялись по мере надобности. Человек скорее прибегал к трудовой деятельности, нежели к настоящему труду — постоянному делу с мотивацией «ради дела» или «потому что так надо».

Специалисты полагают, что профессиональный труд возник в очагах перенаселённости, особенно в городах. Именно там люди стали тратить силы и рисковать жизнью не для жизненных потребностей, а в силу ритуальных мотиваций. Они строили гигантские культовые сооружения, отправлялись воевать в неведомые земли, обрабатывали сырьё не для того, чтобы получить быстрый осязаемый результат (как древние люди), а чтобы снискать одобрение общества. В этот период эволюции деятельность человека мотивировалась уже не физиологией, а скорее мифологией. Труд был окутан мистическим ореолом, представлялся служением неким сакральным силам, например музам или Гиппократу. Сакрализация профессии мешала рациональным и новаторским подходам. Людей сложных профессий — врачей, зодчих, гончаров, металлургов, мельников — «мистическая идеология» превращала в колдунов, масонов, волшебников, окутывала их технологии облаком тайн и суеверий.

Профессиональные группы были своего рода кастами, куда попадали по наследству или пройдя через ученичество (где жертвенные испытания едва ли не важнее самих знаний и навыков) и ритуал инициации. **Профессии не обучали «для заработка», в неё посвящали — для самоотверженного служения.**

Отношение к труду в разных обществах различалось. Где-то ценилось умение скромно и прилежно работать, где-то — способность к великим свершениям. В одних обществах старались не менять уклад жизни, в других — поощрялось стремление к новизне. Помимо таких извечных типов хозяйствования, как земледелие или скотоводство, целые племена (обычно в горных и пустынных регионах) существовали за счёт разбойничества. Там прилежный труд был не в почёте, другое дело — удаль грабителя!

Точно так же менялось и отношение к детскому труду. Где-то детей привлекали к труду, обучая мастерству, давали им возможность работать и добывать пропитание. Где-то дети выполняли только работу, «недостойную взрослых», где-то вообще изолировались от труда. **Отчуждение детей от труда в основном присуще индустриальному обществу, построенному по образцу урбанизированного европейского мира.** Здесь огромные, промышленные масштабы приобретает как система производства, в которой заняты взрослые, так и система образования. И ситуация, когда в небольших мастерских работали взрослые и дети, становится невозможной. Школа забирает почти всё время дневной активности детей. Профессиональный труд прячется за барьером технологий и бюрократических правил.

В таком мире дети отстраняются не только от сферы труда, но и от практики в целом. А ведь практика очень важна для развития и тела, и мозга, и самой личности. Психофизиология праксиса активно изучается, эти знания позволяют повысить отдачу, особенно при экстремальных нагрузках. **Уже давно известно, что при трудовой деятельности интенсивно работает — и обогащается связями — лобная кора, главная зона «разумности».** Развиваются анализаторы, обеспечивающие «профессиональную» чувствительность и координацию. Растёт выносливость нервной системы. Успешный труд приносит позитивные впечатления, повышает самооценку, способствует социализации ребёнка. Практи-

ко-ориентированное и трудовое обучение даёт устойчивые знания и умения, обладает огромным воспитательным потенциалом.

Вместе с тем детский труд — это масса проблем. Безопасность, дисциплина, регламент, организационные и правовые сложности. А деньги — разве можно вступать с несовершеннолетними в финансовые отношения? А как доверять им и возлагать на них ответственность? Как убедить настороженных и встревоженных родителей? Проще действовать по традиции: привлекать детей к хозяйственно-бытовому труду со скромной компенсацией, лучше моральной. Я сам так работал в детстве. Мы пололи грядки, часов по пять в день, было тяжело. Никаких средств облегчения труда не предусматривалось. Получили за это 5% от зарплаты наших родителей. А убрали овощи и вовсе бесплатно — это была такая форма досуга. Полагаю, работодатель не остался в убытке. Ещё мы участвовали в «общественно полезном труде»: убрали окурки и бумажки на каких-то дальних пустырях. Было противно. Все получили «прививку» — стойкое отвращение к подобному труду.

В индустриальном обществе детский труд — скорее ненормальное, «недоброе» явление. В массовом сознании он вызывает ассоциации с маленькими шахтёрами или рабами на мануфактурах. Либо всплывает образ пионеров, вскапывающих пришкольный огород. Представления о трудовом воспитании ограничиваются тем, что дети могут выполнять лишь малоценные и неквалифицированные хозяйственно-бытовые задания.

Отчасти это так. Но мы живём уже в XXI веке — и в постиндустриальном обществе. Много изменилось. Что, например?

Растёт доля информационного труда. В первую очередь изменился характер труда. Резко увеличилась доля информационного, семантического труда, офисной деятельности. Вслед за развитием высоких технологий профессиональные задачи во всех сферах деятельности становятся унифицированными. Грузчик-логистик в порту,

полиграфист, менеджер и представители тысячи других профессий сидят за экраном компьютера и манипулируют виртуальными объектами! Хирург, лётчик, инженер, геолог и даже фермер могут выглядеть, будто игроки в компьютерные игры, решающие очередной сложный «квест». Благодаря компьютеризации на первый план выходит не системное знание, а умение быстро и точно управлять информацией. Дистанционное управление, выполнение заданий через Интернет, другие возможности для удалённой работы, для многих людей исключают существование трудовых отношений в коллективе, изменяют социальную сторону труда.

В последние годы сформировался особый, очень мощный пласт трудовой деятельности — управление компьютерными ресурсами. Изменился и образ специалиста этой области. Каким представлялся «компьютерный мудрец» двадцать-тридцать лет назад? Этаким лысеющий, очкастый «профессор» в белом халате и с перфокартами в руке. А теперь это, несомненно, молодой человек, даже подросток! Именно молодые люди добиваются успехов в овладении динамичным миром информационных технологий. Недавно я наблюдал на улице, как мальчишка наставительным тоном рассказывал своему растерянному папаше о компьютерных вирусах. Если вдуматься, это новая, уникальная ситуация, когда дети в массе оказываются опытнее и искущённее взрослых, могут учить их неким премудростям. Такого никогда не было. Множество подростков занимаются информационным бизнесом, создают сайты, управляют ими. **Они трудятся, фактически пополняя ряды занятого населения.**

Отношение многих молодых людей к труду приобретает специфику нового века. Они не желают «ходить на службу», выполнять «указания начальства», заниматься однообразным, рутинным делом. Парадокс в том, что на работу в сфере информационных технологий они тратят гораздо больше времени, чем предусмотрено трудовым законодательством! И выполняют множество правил и рутинных дейст-

вий. Подросток способен проводить за компьютером больше десяти часов в сутки, очень уставать, но при этом чувствовать себя «свободным»!

А считаем ли мы таких людей «трудящимися»? Не такой это простой вопрос. Пока ещё мы считаем этот вид труда «эффективным» (хотя и готовы платить за него, если, к примеру, хотим наладить компьютер), а умения — малоценными. Мы не склонны признавать, что наши ученики — это потенциальные (а то и реальные) молодые специалисты. Обычно подростки, не допущенные до взрослых трудовых отношений, играют в информационные технологии, совершенствуя свои «виртуалии», проводя массу времени за общением в чатах. Кто-то ищет выход своим способностям в хулиганстве — создаёт вирусы, наводит форумы бессмыслицей и руганью.

На территории России существует несколько основных форм труда, в которые вовлекаются несовершеннолетние: в аграрных регионах — это сельскохозяйственные работы, в крупных промышленных центрах — работа на градообразующих предприятиях, в лесных регионах — работа в школьных лесничествах. И повсеместно используется хозяйственно-бытовой труд ребят по благоустройству школ. Таким образом реализуются традиционные формы трудового воспитания, о которых хорошо известно. Однако с ростом урбанизации всё больше молодых людей занимаются только семантической, информационной деятельностью, оказываясь оторванными от реального производства. Их зоны активности — это школа, колледж, библиотека, стол для приготовления уроков, компьютер. Каким образом осуществлять трудовое воспитание? Предлагать им мыть полы в школе или сколачивать скворечники? Вряд ли это будет встречено с энтузиазмом. Полагаю, **более эффективный путь — создание условий для плодотворной реализации потенциала молодых людей: привлечение их к высокотехнологичному труду, в частности к работе с информационными технологиями.** А для этого необходимо разработать программы

вовлечения молодёжи в IT-проекты: технические и творческие задания в сфере компьютерных технологий и Интернета, оплачиваемые потребителем.

Отчасти это решило бы и проблему грамотного трудоустройства несовершеннолетних. Проблему актуальную, потому что молодым людям нужны личные средства, нужна практика для развития личности, нужны основания для повышения самооценки и самоуважения — более весомые, чем одни только хорошие оценки в дневнике. Нередко отсутствие возможности удовлетворить все эти (равноценные!) потребности толкает несовершеннолетних на опасные криминальные действия.

Планирование трудоустройства — тоже технология. В постиндустриальном обществе сын снова может помочь отцу в его работе — теперь уже тем, что найдёт в Интернете необходимые сведения, отформатирует и распечатает текст, проверит почту или проконтролирует технологический процесс. Дети успешно трудятся и в других сферах: изготавливают сувениры, снимаются в кино и т.д.

Существует стереотип: дети мол, не переносят длительные, систематические нагрузки. Однако никого не удивляет, что в спорте, музыке, балетном или цирковом искусстве несовершеннолетние фактически занимаются тяжёлым трудом. И даже принудительным, поскольку выполняют волю тренера и родителей! Дескать, сейчас они ещё не понимают, что в будущем им это принесёт пользу, поэтому их следует заставлять. Впрочем, сегодня общество всё чаще противится такому принуждению.

Привычка к осмысленному выбору отчасти формирует и ориентиры будущей карьеры. Обычно дети не имеют представления о реалиях взрослого труда, поэтому выбирают профессии публичные или модные: лётчика, кондуктора, капитана, врача, спортсмена, а лучше всего быть актёром! В эпоху кризиса ценностей многие дети хотят быть разбойниками, рэкетирами, банкирами, полагая, что это элементарный путь к деньгам. Всё это мечты, игра во взрослость, а ещё — продукт ограниченно-

сти кругозора. Помню, нас, школьников, возили на экскурсии на разные предприятия, и всем сразу хотелось работать на кондитерской фабрике или на стройке. В США существует интересная традиция — «один день на работе родителей». Подросток проводит целый день с одним из родителей, наблюдая, во-первых, реальный профессионализм, а во-вторых, как зарабатываются деньги. Для кого-то такой визит становится мотивом выбора профессии.

Вообще **позиция родителей остаётся основным фактором в выборе профессии**. На втором месте — мнение референтной группы, когда человек идёт учиться или работать вслед за друзьями, знакомыми. На третьем месте — фактор пропаганды, который особенно действен в критические периоды жизни (после окончания учёбы или при смене работы). Влияет и случай. Впрочем, в современном обществе случайности отводится небольшая роль. Для планирования карьеры применяется целая наука. В американских школах я побывал на лабораторных занятиях, где студенты учились с помощью компьютера планировать своё время, деятельность, силы, средства и возможности. Планирование начинается с осмысления уровня, «планки». Кто-то стремится стать классным специалистом, другие ограничиваются ролью технического работника, а может, рыбака. И в этом выборе никто не видит повода для негативной оценки. Это один из путей выбора.

Однако качественное образование может стоить целое состояние. Где же взять такие деньги способным детям? Существует система социальной помощи, позволяющая получить гранты на обучение. Но деньги дают не просто так, а «за заслуги» — персональные успехи в учёбе и общественной работе и лишь дополняя средства, заработанные семьёй. Обычно оценить свои способности и найти благотворительный

фонд школьникам помогает штатный counselor — школьный организационный психолог. Он тестирует учеников, помогает выбрать колледж, подготовить документы.

Средства на обучение способных детей отчисляют и некоторые предприятия. Это одно из решений проблемы рекрутинга, поиска персонала. Целевой рекрутинг — настоящее искусство, которое должен освоить производственный психолог. Где искать ценные кадры? Можно приглашать уже готовых специалистов, а можно привлекать молодых людей из учебных заведений, университетов, даже школ и вкладывать средства в обучение перспективных работников.

Но в последние годы молодые американцы утратили идеалы корпоративного служения. Теперь мало кто мыслит себе карьеру как служение одному делу, одной компании. Профессиональную работу планируют как временный инструмент для поддержания банковского счёта, поэтому не хотят тратить на неё всё своё время. Иногда профессиональную работу рассматривают как образ жизни, способ саморазвития, самовыражения и даже... форму туризма! Например, молодой человек может путешествовать по свету, работая инструктором по дайвингу, вожатым, учителем языка, волонтером. И параллельно через Интернет проводить биржевые операции (мне встречались такие люди). Многие довольно часто меняют работу, потому что это позволяет им получать новые знания, расширять круг знакомств. И такая жизненная стратегия уже никого не возмущает. Считается, что молодые люди имеют на неё право, потому что нет такого дела, такого производства, которое было бы ценнее, чем сам человек.

Мне могут задать вопрос: что же теперь, вообще отказаться от скучной и тяжёлой работы? Нет — надо сделать её интересной, перспективной, комфортной.

Мотивация к труду, готовность к усилиям, к включённости в дело, что определяется общим понятием «трудоспособность», воспитываются с детства, со школьных лет. Но много ли сегодня школ, в которых организован подлинный труд, а не его имитация в виде мытья полов в учебном кабинете? Снова и снова приходится задавать этот вопрос, и ответ на него пока

неутешительный. Три года проводит редакция журнала «Народное образование» Международный конкурс продуктивных школ им. А.С. Макаренко. Из 76 тысяч общеобразовательных учреждений России, в том числе из 43 тысяч сельских, в эти годы в конкурсе участвовало немногим более ста школ. В основном, из Ставропольского края, Оренбургской, Белгородской, Ленинградской, Владимирской областей, Республик Башкортостан и Чувашской. А что в остальных регионах? Нет желающих принять участие или отсутствует труд? В его необходимости для ребят, для успешности в их жизни и для развития экономики региона уверен директор Департамента образования администрации Владимирской области

Михаил Корешков: Возвращать в школу труд — дело нелёгкое, но необходимое

Многие наши школьные беды, думаю, связаны напрямую с содержанием образования. Странная с ним сложилась ситуация. Долгие годы оно «совершенствовалось по нехитрой схеме — по принципу «больше — меньше»: что-то убрали, что-то прибавляли. Только и всего. Без научного обоснования, без опоры на закономерности психического развития ребёнка. Что стоит одно только изучение иностранного языка со 2-го класса (когда ребёнок не овладел ещё родным языком) и информатика в начальной школе. Я убеждён в том, что в этом возрасте надо научить детей хорошо читать и любить книгу, грамотно писать и любить материнский язык и правильно считать. Но мы и этого ещё не смогли достичь, а уже даём малышам иностранный, да и не язык, а разговоры вокруг него — «культуроведческого», «страноведческого» характера. Общими сведениями перегружаем детей, а знание языка не даём.

В 2000 году в Кремле обсуждали Национальную доктрину образования и переход на 12-летнее обучение в общеобразовательной школе. Первоначально шла речь о том, что будет серьёзно пересмотрено и усовершенствовано (в который раз!) содержание образования, из него будет удалено дублирование, ему придадут практико-ориентированный характер, что позволит готовить выпускников школы к жизни. Но... В ушах у нас

ещё звучали аплодисменты в Кремлёвском Дворце, а через несколько месяцев читаю в журнале «НО» интервью с высоким чиновником из министерства, который утверждает: содержание образования остаётся тем же, только «растягивается» на 12 лет и самый тяжёлый для ребят период — 5–9-е классы — переносится теперь в 5–10-е. А 11-й и 12-й год предполагалось, что ребята будут дышать?

Такая видимость «совершенствования» содержания образования сослужила школе очень недобрую службу: что называется, «под сурдинку» **совершенно размыта практическая направленность предметов**. Не потому ли и теряют ребята с годами интерес к учёбе, не потому ли резко падает успеваемость в старших классах: те, кто не мотивирован на продолжение образования в вузе, не видят практически для себя пользы от изучения физики, химии, математики...

Годами, десятилетиями идут об этом разговоры, от перегрузок стонут дети и учителя, но ситуация не меняется. Создаётся впечатление, что у нас нет ни Академии образования, ни научных институтов, ни учёных... Или они занимаются своими проблемами и школа им неинтересна? Пока же содержание школьного образования определяет вузовская наука, а точнее — приёмные комиссии институтов. Общеобразовательная школа стала заложницей вузов, готовит всех выпускников к поступлению в высшие учебные заведения. Хотя со-